

22) Шаранов Назаріон, Батлаевской станицы и 23) Шарманжинов Николай, Платовской станицы; VII-й класс: Баббушов Ильмижа, Власовской станицы, 25) Уланов Наран, Ново-Алексеѣвской станицы, 26) Уланов Лиджа, Денисовской станицы, 27) Шиханов Мирма, Денисовской станицы, 28) Шурганов Алексѣя, Эрвистинской станицы; VIII-й класс: 29) Далантинов Седман, Денисовской станицы, 30) Даржинов Манца Батлаевской станицы и 31) Тюльинов Даржа, Граббевской станицы.

Окончил в 1927 году гимназію Бембетов Басаи, Ново-Алексеѣвской станицы.

Дни национальных праздников отмѣчаются устройством вечеров, в которых участвуют наши учащіяся, демонстрируя свои достижения в области искусства, литературы, а также воспроизводя перед зрителями сцены из жизни Калмыцкаго народа или исполняя калмыцкія пѣсни, танцы, калмыцкія дѣтскія игры.

Во время нашего праздника «Цаган» в февралѣ 1924 г. учащіяся ставили на сценѣ отрывок из «Цы-

гане» Пушкина, переведеннаго на калмыцкіи языкъ Д. Н. Баиновой. Ею же была обработана и инсценирована одна глава народной поэмы «Джангар», которую мы ставили также во время «Цаган-а» в февралѣ 1924 г.

Так приобщаясь к блестящей чехословацкой культурѣ, стараюсь не забыть и изучить свой родной языкъ, учась и воспитываясь быть нужным своему народу и родным Краям, растет и развивается наша калмыцкая молодежь в Чехословакии.

Возродить былую физическую мощь — невозможно. Но стать, хоть и маленьким, но культурным — это можно быть первой задачей нашей жизни. Культура и цивилизация нас не раздавят и не обезличат нас, нашу націю, а наоборот, выкристаллизуют всѣ творческія силы пытливаго ума, ищущей души калмыка, укрѣпят и воодушевят национальную мысль и национализм дѣт Калмыцкаго народа.

Даржа Ремзюв.

1. I. 1928. Прага.

Как трудно жить в странѣ, нам чуждой!
Гдѣ нѣтъ равнины, нѣтъ бугров,
Гдѣ можно было бы тѣсной дружбой
Сражаться в бѣгѣ скакунов:

Гдѣ утром иль в часъ поздній, лѣтній
Летнишь и слышишь чудный звон:
И пѣсню птиц... трав шелест легкой,
И стук копыт со всѣхъ сторон:

Гдѣ ты один, дитя свободы,
Летнишь ты гордый в этот часъ,
Как сын степей, как царь природы!
Твой конь-стрѣла! таков всѣхъ гласъ.

Сентябрь 1927 год.
Чехія.

Как больно нам, когда желанье
Горит всегда у нас в сердцахъ:
Проклять и скитанье и изгнанье,
Потом домой... домой сейчас!

Но волны жизни бьют и гонят
Без малаго нас восемь лѣтъ.
О, Боже мой! Его всѣ просят —
Еще молчаніе — им отвѣтъ.

О ты, наш Край родной, далекій!
Все там ли ты? О, Родина!
Прими поклон от нас наш низкій,
Прощай ты чудная страна!

Д. Тюльинов.

На Цаганѣ.

В один темный, в южный зимній вечер, когда по пушистым головкам камышей, по торчащим соломкам скирдов, по трубам землянок, под скрип ворот, вѣтер пѣлъ пѣсни заунывныя, у добродушных супругов Бахиновых собралось человекъ десять сосѣдей, любителей покоротать время.

Разговор шел о предстоящем через мѣсяцъ праздникѣ Цаганѣ. Говорили о том по сколько четвертей водки покупать на семью, кто зарѣжет овцу, кто телушку, кто свинью, но, главным образом, о том, сколько верховыхъ молодцов выѣдет с ихняго хотона на праздничные наѣзды, на какихъ лошадяхъ, какая из них окажется рѣзвѣе всѣхъ, гдѣ и с чьими табуницами произойдет столкновение.

— Конечно и в этом году мы поѣдем к Корольковцам и постараемся снять с себя прошлогодній поворъ — заявил молодой табущик Бокта.

— Для этого нужно выѣхать хорошей, ровной компаніей, на подобранных коняхъ, а, кромѣ того, нам непременно надо упросить нашего стараго волка Шара, чтобы он с нами выѣхал, — добавил другой.

— Да, да, если Шара не поѣдет с нами тряхнуть стариной, то ихній Дада все равно нас поразгоняет; уж очень искусно он может бить; большая сила в его рукахъ — заговорил третій.

— Вѣрно, вѣрно, Шара поѣдет с нами для выручки, а то давно он уже перестал выѣзжать на Цаган; пусть он пропустит в этом году богомолье в хурулѣ — заговорило сразу нѣсколько голосовъ.

— Гдѣ мнѣ... Куда мнѣ старику... да и грѣх ради драки пропускать «Дюлян». Мнѣ уже бои неинтересны; ничто не может замѣнить наслаждение, которое я получаю на всеобщемъ молебствіи перед этим свѣтлымъ праздникомъ в нашем храмѣ... Вы послушали бы, какъ красиво, трогательно поют манджикки, гелюны; какъ вдохновенно они служатъ всю ночь, а на зарѣ... когда торжественно вносят «Окон-Тенгир», когда сам бакша заводитъ встрѣчную молитву... молитву побѣды «свѣтлаго надъ чернымъ», — добра видлом; тогда вы позабывали бы о всемъ мірскомъ, не знали бы, гдѣ вы находитесь... да, это удовольствие, на удовольствіе побѣды в бою на плетяхъ я, старик, не промѣняю.

Во-вторыхъ, едвали я теперь, в пятьдесятъ лѣтъ, справлюсь съ Дада, съ тридцатилѣтнимъ молодцомъ, в расцвѣтѣ силъ и здоровья, — отвѣчалъ сѣдоголовый, сутулый, рослый Шара, набивая трубку-самодѣлку махоркой.

Рѣчь его смутила молодыхъ; Шара былъ не только силачъ и лихой наѣздникъ, но и славился какъ человекъ «с острымъ языкомъ».